

СЕМАНТИКА ЖАНРОВ И ЖАНРОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Т. В. ЗВЕРЕВА

*(Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск, Россия)*

УДК 821.161.1-1(Кукин М.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,445

«КОЛЬ КОЛЕСО ВРЕМЕН СВЕРШИЛО ПОЛНЫЙ КРУГ»: Г. Р. ДЕРЖАВИН И А. С. ПУШКИН В ТВОРЧЕСКОМ САМОСОЗНАНИИ МИХАИЛА КУКИНА

Аннотация. В статье рассмотрена проблема жанровых трансформаций в стихотворении Михаила Кукина «Памяти одной компании». Авторское восприятие мира опосредовано предшествующей поэтической традицией (творчество Горация, ода Г. Р. Державина «Евгению. Жизнь Званская», стихотворение А. С. Пушкина «Осень»). Интертекстуальные связи, реабилитация «архаического» языка порождают сложную оптику текста, позволяющую Кукину обрести принципиально иной угол зрения на современную действительность. В послании «Памяти одной компании» актуализирована категория жанра как таковая: стихотворение выстраивается на взаимодействии оды и элегии, идиллии и эпитафии. Современность не укладывается в заданные жанровые модели, обнажая принципиальную несовместимость с классической эпохой. Если с державинской одой в стихотворении Кукина связана проблема времени, то пушкинский подтекст способствует актуализации смыслов, связанных с проблемой поэтического творчества.

Михаил Кукин принадлежит к поэтам «коньковской школы», возродившей жанр дружеского послания в современной литературе. Интимная интонация, основанная на признании ценностей приватной жизни, воскрешает литературную ситуацию начала XIX в. Послание Михаила Кукина восходит к поэтике «коньковской школы» с ее принципиальной установкой на диалог. Свой окончательный смысл стихотворение Михаила Кукина обретает в ответном послании Константина Гадаева «Две трети разбазарено уже...».

Ключевые слова: поэтические жанры, послания, идиллия, эпитафия, ода, элегия, творческое самосознание, анализ стихотворений.

Предметом рассмотрения в настоящей работе станет одно из ранних стихотворений поэта «коньковской школы» Михаила Кукина «Памяти одной компании». Это стихотворение первоначально открывало

авторскую подборку «И не движется время», опубликованную в журнале «Новый мир» (1994 г.); в последнем авторском сборнике, вышедшем в 2015 г., оно вошло в раздел «Старых стихов». Имя Михаила Кукина еще не закреплено на литературной карте России, и это во многом связано с установкой «коньковской школы» (Михаил Кукин, Константин Гадаев, Игорь Федоров) на принципиально частный и домашний характер поэтического творчества. Не случайно, что одним из наиболее разработываемых жанров становится жанр дружеского послания. Вместе с тем критики А. Анпилов [Анпилов 2006: 406 – 414] и Л. Костюков [Костюков 2005] уже отметили уникальность художественного дара Кукина, а в последнее время его стихи были замечены и учеными-филологами – О. Ревзиной [Ревзина 1999: 179 – 187] и Н. Медведевой [Медведева 2016: 348 – 357].

Михаил Кукин – поэт-филолог, открыто позиционирующий биографическое «Я»: «Я кандидат наук. Доцент. Филолог» [Кукин 2015: 172]. С родом основной деятельности связано отрефлексированное отношение к классической традиции – читатель имеет дело с множественными отсылками к греческой и римской античности, русскому XVIII веку, всей линии отечественной словесности от А. С. Пушкина до И. Бродского. Будучи профессиональным филологом, поэт в совершенстве владеет инструментарием анализа текста, т.е. аналитика неизбежно включается в творческий процесс, и творчество Кукина содержит в себе элементы исследовательской рефлексии. Так, например, важнейшая для поэтической системы Кукина тема «видения» разобрана в его научных статьях «Зримое и незримое в поэтическом мире: последнее стихотворение Ходасевича» [Кукин 1992: 157 – 180], «Взгляд и мысль: об одном пушкинском пейзаже» [Кукин 1993: 72 – 76], «“Реальная природа” и поэтическое видение. Крымские впечатления Пушкина» [Кукин 1994: 32 – 42].

Размышляя над спецификой текстов Кукина, О. Ревзина высказала предположение, что они «располагаются по сравнению с Пушкиным в иной дискурсивной формации» [Ревзина 1999: 187]. Обращение поэта к предшествующей традиции связано не с «мышлением стилями», как это было у Пушкина, а обусловлено какими-то иными культурными механизмами. По мнению исследовательницы, поэт вступает в «прямой контакт с языком, таящим адекватное выражение мироощущения» [Ревзина 1999: 187]. Иными словами, традиция выступает в качестве определенного поэтического видения реальности. Современность не только испытывается этим взглядом, но отчасти и преобразуется благодаря классическому языку. «Авторы “коньковской школы” обладают своеобразным секретом зрения, в результате которого буквально каж-

дая деталь Божьего мира (вплоть до мелких и примитивных) становится аргументом в пользу осмысленности целого <...> «Каждый поэт находит свой ракурс бессмертия» [Костюков 2005]. С этой точки зрения становится понятными пристрастия Кукина как к античной культуре с ее вглядыванием в бесконечный мир материальных вещей, так и к державинско-пушкинской традиции с ее пафосом оправдания мира.

Обратимся к одному из самых замечательных стихотворений поэта – «Памяти одной компании». Эпиграф к посланию отсылает читателя к двум величайшим текстам русской литературы – оде «Евгению. Жизнь Званская» Г. Р. Державина и «Осени» А. С. Пушкина. Ориентация на Державина декларативна:

Коль колесо времен свершило полный круг,
среди русских гениев, где всяк другому равен,
теперь хочу избрать, испробовав твой звук,
тебя в наставники, Державин.

[Кукин 2015: 167]

Пушкинская же «Осень» присутствует имплицитно и реконструируется лишь при филологическом анализе. Благодаря двойному интертекстуальному коду возникает уникальная оптика текста, позволяющая смотреть на современность сквозь «волшебный фонарь» державинско-пушкинской традиции.

Поздняя державинская ода оказывается первой призмой, через которую автор бросает свой взор на современность. Намеченное в начале послания ироническое противопоставление двух укладов жизни («холм над синим Волховом» / «высокий мой этаж», «храмовидный дом» / «квартирка малая в Коньково») почти сразу сменяется утверждением внутреннего единства прошлого и настоящего. Напомним, что стихотворение Кукина писалось в начале 1990-х гг., в эпоху, когда в очередной раз русская история утверждала свое безусловное право на отказ от предшествующей традиции. В этой непростой ситуации Михаил Кукин занимает позицию опального Державина, смотрящего на современность как бы со стороны и обретающего смысл в частном существовании.

Оправдание близкой реальности – одна из определяющих тем Михаила Кукина. Державинская «Званка» останавливала мгновение, запечатлевая красоту созданного Творцом мира: «О, коль прекрасен мир! Что ж дух мой бременю? / Творцом содержится Вселенна [Державин 1957: 327]). Как известно, ода вырастает из гимнографии, однако на русской почве идея абсолютного приятия Божественного мира

трансформировалась в идею абсолютного благоговения перед государством. Преобразование русской оды шло в направлении признания ценности жизни как таковой. Уже в «Фелице» Державин вышел за пределы государственной риторики. Признание ценности обыкновенной жизни находит свое логическое завершение в «Званке». Вслед за Державиным лирический герой Кукина восхищается самыми заурядными вещами:

Я добр и сонлив. На стульчике складном
сижу себе, курю на маленьком балконе,
сижу и вдаль смотрю, мечтаю ни о чем,
меж тем как красно солнце тонет,

закат распахивает сизый веер свой,
меж облак перистых даль розова дымится.
Кругом горят огни... Машины шум или вой
собачий снизу доносится...

[Кукин 2015: 170].

В «Жизни Званской» художественное пространство неоднородно: свободный мир Званки («вольность золотая») противопоставлен «тесному», несвободному Петрополю. Эти две сферы существуют по собственным законам, не соприкасаясь между собой. Авторские усилия нацелены на создание сельской идиллии. По точному замечанию Т. Е. Автухович, внутри созданного поэтом универсума «отсутствует деление на главное и второстепенное, все детали включаются в единый повествовательный текст, отражая внутреннее структурированную и в то же время единую картину мира как Космоса смысла» [Автухович 2013: 12]. Однако внутри этого целостного универсума зарождается временной сюжет. Категория времени разрушает жанр идиллии, к финалу «Жизнь Званская» все более тяготеет к жанру элегии. Вторжение будущего, в котором не будет «Я», с одной стороны, свидетельствует о бренности мира, с другой – утверждает бессмертие поэтического слова. В одной из своих работ И. Клейн выделил тему памятника как ведущую тему державинского творчества [Клейн 2005: 498 – 521]. Действительно, ода «Евгению. Жизнь Званская» тематически примыкает к данному корпусу текстов: финальная строка («Здесь Бога жил певец, – Фелицы») может быть прочитана в контексте горацианской традиции (вечно звучащее слово-слава, преодолевающее время). Еще, кажется, не было замечено, что эта же строка выступает и в функции могильной надписи. Следовательно, можно говорить о трансформации идиллии не только в элегию, но и в эпитафию. В этом случае весь предыдущий

текст обретает иную смысловую логику – ту, которая в чистом виде отражена в стихотворениях Державина «Развалины» и «Река времен в своем стремлении...». Ода «Жизнь Званская» выходит за пределы классицистической заданности смысла, жанровые границы текста оказываются принципиально неопределимыми – державинский текст сопрягает идиллию и эпитафию, стягиваясь к знаменитой формуле «Et in Arcadia ego». Мир Званки распахнут в неумолимое будущее, стирающего следы настоящего и устремленного к могильной надписи. Опальный поэт смог запереться в Званке от суеты Петербурга, но не смог уйти от мысли о беге времени.

Как уже было отмечено выше, послание «Памяти одной компании» было написано в эпоху, когда «время вывихнуло свой сустав» и человек оказался выброшен за пределы какой бы то ни было системы. В ситуации «онтологической неопределенности» Кукин берет державинские уроки и учится азбуке утверждения. Творчество современного поэта направлено на выявление внутренней гармонии мира. Реабилитация архаического языка необходима автору, чтобы обрести принципиально иной угол зрения на сегодняшний день. Как показала Н. Г. Медведева [Медведева 2016: 348 – 357], «*поэтика благодарности*» является отличительной чертой творчества Кукина, выделяющей его на фоне существующей ныне поэзии. Мысль о благодати жизни часто формулируется автором прямооценочно:

... и попробуй вспомни, что были гостями
на данном счастливом празднике жизни, удержи
благодарность хозяину дома, нет, ты скажи
вместо: за что? – спасибо за все!

[Кукин 2015: 7];

Что тут сказать? Многомилостив, щедр Господь.
Чудом была эта жизнь – и не чудо ли длится днесь?
Кланяюсь низко Ему, на пиру благодарный гость.
Можно, Владыко, еще мы немного побудем днесь?

[Кукин 2015: 33]

На избранном пути «благодарения» и оправдания данности Кукин идет дальше своего «наставника»: если идиллический мир Званки – это герметичное пространство, удаленное от шумного Петербурга, то идиллия Кукина не знает пространственной градации и вбирает в себя все признаки городского топоса: «рычание моторов», «вонь воздуха», «хрипло-пьяную песнь», «рык мотоциклов». Весь этот привычный каждому горожанину мир наделяется положительными качествами, по-

скольку это и есть отведенное человеку Творцом пространство жизни.

По Кукину, человеческое счастье обусловлено не свойствами реальности, а свойствами человеческого зрения. Не случайно семантика «зрения» является определяющей в «Памяти одной компании» («*глядящу* утром восхищенно», «лесок зеленый *зрю*», «осень *вижу* я», «готов *следить* изгибы нежных рук и шей», «все *вижу* пред собой», «а то *предстанет* вдруг очам моим», «*попалась на глаза*», «сижу и вдаль *смотрю*», «*наводим* томный *взор*» и т.д.). За столь очевидной приверженностью к глаголам зрения скрывается не только «подражание» позднему державинскому стилю, но и особая авторская философия. Поэзия есть труднейшая работа по воскрешению реальности, ее внутреннему преобразению. Блаженство обретается в настоящем, но никогда не в будущем. (Как сказано в другом стихотворении М. Кукина, «в нашем *здесь* и *сейчас* – наше *здесь* и *всегда* [Кукин 2015: 42].)

Герой кукинского послания призван на праздник жизни и желает им всецело насладиться, ибо другого праздника не будет. Характерно, что в центре послания – два развернутых описания стола (описание обеда занимает 7 строф, описание финального дружеского пира – 3 строфы). Вслед за Державиным и Горацием следует поэтическое «приглашение к трапезе». У Державина изображение стола коррелировало с описанием сада-Вселенной («я вижу разных блюд цветник, поставленный узором») и являлось еще одним свидетельством гармоничности бытия; в «Памяти одной компании» на первый план выдвинута тема *чудесного изобилия*, возникающего благодаря стараниям мастерицы-жены («...жена из ничего готовить мастерица»):

Все вижу пред собой: суп из гороха – здесь,
в салате красные сверкают помидоры,
вот зелень свежая, которую люблю есть
с картошкой отварной, вот горы

душистых, мякотьных блинков из кабачков,
златою, ржавой корочкой покрытых,
или капуста в масле – пир богов! –
яйцом сверкающим залита!

[Кукин 2015: 169]

В конце Кукин еще раз вернется в теме стола, но решит ее в ином смысловом ключе. Финальный пир с друзьями – это пир-симпозиум, на котором рождается очередная истина (отметим использование классического симпозиального топоса – *in vino veritas*). Собственно, к этому, заключающему текст афористическому четверостишию, и стягива-

ются все предшествующие размышления:

Иль, прозы властелин, мой Рондарев, с тобой
Сидим перед утра картиной –

Перед раскрытым в светло-синю даль окном,
Как жизни нашей перед вечною загадкой,
И по последней курим над пустым столом,
Остановив мгновенье кратко.

[Кукин 2015: 171]

Последняя афористическая строка восходит и к «Фаусту» Гете («Остановись мгновенье, ты прекрасно!»), и к державинской «Жизни Званской» («О, коль прекрасен мир!»). Но самое главное, здесь выражена мысль о том, что мгновение – это оборотная сторона Вечности, а Вечность – не что иное, как бесконечная растяжка мгновения. Среди излюбленных приемов кукинской поэтики – прием замедления художественного времени. Например, в одном из лучших, на наш взгляд, стихотворений поэта описано почти ритуальное, бесконечно растянутое во времени, действие:

Муза, приди, помоги, дай поведать далеким потомкам,
как меня Дима Шумилов яичницу делать учил.

Лук для начала берем, не крупный, не мелкий, но средний
и обдираем с него дочиста всю шелуху.

Лук измельчив на дощечке, потом зачерствелого хлеба
Черного взявши кусок пальцами левой руки <...>

«Щиплет нас за ухо смерть», – заметил однажды Вергилий.
Но и на смерть есть управа. В частности, этот рецепт.

[Кукин 2015: 164]

Избранные гекзаметры не только отсылают к античности и обра-
щают время вспять, но и делают мгновение физически осязаемым.

Если в «Жизни Званской» «изобилие деталей, форм, планов раз-
вертывания картин становится реализацией очень важного для Державина принципа миропонимания, согласно которому в жизни нет ничего неважного» [Алпатов 2011: 186], то в «Памяти одной компании» это же множество деталей призвано уточнить время человеческого существования, остановить ход времени. В творчестве Кукина как бы сходятся две формы настоящего времени, когда-то выделенные

М. Хайдеггером: настоящее-Теперь и настоящее-пребывание [Хайдеггер 1993: 401]. Единственное, что омрачает кукинский идиллию – жанровый след, обозначенный в названии стихотворения – «Памяти одной компании». Идиллический по своей сути текст оказывается все той же надписью...

Смысл кукинского послания усложняется и вследствие его обращенности к «Осени» А. С. Пушкина, также являющейся поэтическим откликом на державинскую «Званку». И Пушкин, и Кукин избирают в качестве эпиграфа к своим программным текстам одну и ту же державинскую строфу – «Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?». Однако «пушкинский подтекст» способствует актуализации смыслов, связанных не столько с проблемой времени, сколько с проблемой поэтического творчества.

Поскольку «Осень» неоднократно становилась объектом литературоведческих штудий, то заострим внимание на смыслах, о которых еще не было сказано. Эпиграф в «Осени» не только указывал на связь с «Жизнью Званской», но был соотнесен с биографическим планом. Державин сыграл большую роль в жизни первого русского поэта. Пушкинская элегия – еще одно напоминание о встрече двух поэтов: «Державин был очень стар. <...> Экзамен наш очень скоро его утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвисли <...> Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности» [Пушкин 1937-1959: т. 12, 158]. Дрема Державина – один из блестящих мифов русской культуры XIX вв. Гений Пушкина как бы возникает из державинского сна, пробуждение Державина напрямую связано с рождением русской поэзии. Состояние дремы и состояние творческого вдохновения почти тождественны у Пушкина; именно в «Осени» утверждалась особая – сновидческая – природа поэтического творчества: «И забываю мир – и в сладкой тишине / Я сладко усыплен моим воображеньем, / И пробуждается поэзия во мне...» [Пушкин 1937-1959: т. 3, 321]). Эта же сновидческая аура пронизывает и стихотворение Михаила Кукина. Отчасти подобный эффект обусловлен двойной референцией текста. Колебания смысла возникают вследствие того, что почти в каждой строфе угадывается ее одновременная принадлежность и к державинской «Званке», и к пушкинской «Осени». Державинские четверостишия сливаются в пушкинские октавы благодаря enjambement.

В финале «Осени» развернута грандиозная метафора «творчество/море». Эта же «морская метафора» подхвачена Кукиным:

Работа подождет! Сажуся у стола,

рассеянно в тетрадь, линованную в клетку,
гляжу – но чу! Строка внезапная пришла,
ловлю ее, как рыбку в сетку.

Уже другая, третья, пятая плывут...
Я сочинять горазд! Час два, а то и третий
сижу, забыв про все, и все в себя берут
закинутые мною сети.

[Кукин 2015: 168]

В обоих текстах «пробуждение поэзии» соотнесено с чудом: «внезапность» кукинской строки напрямую связана с неожиданным («вдруг») движением корабля-громады у Пушкина («Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге, / Но чу! – матросы вдруг кидаются, ползут...») [Пушкин 1937-1959: т. 3, 321]).

Венчающий «Осень», едва ли не самый знаменитый пушкинский вопрос («Куда ж нам плыть?») незримо присутствует в «Памяти одной компании». Этот подспудный вопрос также разрушает идиллическую направленность кукинского стихотворения, размывает его финал. Несмотря на то, что авторская воля направлена на преобразование «низкой» реальности, к финалу все более очевидной становится тревога, исходящая от за-текстового пространства. В одном из своих стихотворений Кукин писал:

Где звезды и берег где?
Куда мы с тобой плывем
вместе с нашей страной?

[Кукин 2015: 17]

Таким образом, структура стихотворения «Памяти одной компании» являет собой сложное взаимодействие таких разнонаправленных жанров, как послание, ода, идиллия, элегия, эпитафия. «Мерцание смысла» возникает вследствие неуловимости жанровых границ. Современность не укладывается в заданные жанровые модели, обнажая принципиальную несовместимость с классической эпохой. В ситуации смысловой неопределенности, ставшей для русской культуры онтологической, человеку остается только один выход – сотворение собственного мира. Не случайно, поэты «коньковской школы» актуализируют жанр послания. Дружеский, подчас очень интимный разговор, основан на признании безусловной ценности приватной жизни. Поэтический диалог воскрешает литературную ситуацию начала XIX в. и становится понятным только при реконструкции поэтического и биографическо-

го контекста. Так окончательный смысл стихотворения «Памяти одной компании» вынесен за пределы текста и расположен в ответном послании Константина Гадаева:

Мише Кукину

Две трети разбазарено уже.
Все реже веселят веселье наши.
Источник слез, пробившихся в душе,
наполнил до краев терпенья чашу.

Отчаяться, рвануться, расплескать
И криком изойти в застольном раже!..
Но явится строжайшая тоска
и пустотою по губам помажет.

Пока еще не поздно... Никогда,
покуда живы мы, не будет поздно...
Распахнуто окно. Горит звезда.
Огромный над коньковским лесом воздух.
[Гадаев 2005: 126].

ЛИТЕРАТУРА

Автухович Т. Е. Стихотворение Г. Р. Державина «Евгению. Жизнь Званская» как метафизический автопортрет // Вестник Гродненского университета. Сер. 3. 2013. № 2. С. 6 – 14.

Алтаева Т. А. Аксиология Г. Р. Державина (к анализу стихотворения «Евгению. Жизнь Званская») // Аналитика культурологии. 2011. № 20. С. 184 – 187.

Анцлов А. Гроза в Коньково // Новое литературное обозрение. 2006. № 82. С. 406 – 414.

Гадаев К. Опыт счастья. М. : Изд-во Н. Филимонова, 2005.

Державин Г. Р. Стихотворения. Л. : Сов. писатель, 1957.

Клейн И. Пути культурного импорта. Труды по русской литературе XVIII века. М. : Языки славянской культуры, 2005.

Костюков Л. Попытка счастья. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2005-04-14/4_happyness.html (дата обращения: 24.06.2016).

Кукин М. «Реальная природа» и поэтическое видение. Крымские впечатления Пушкина // Научные труды МПГУ. М. : МПГУ, 1994. С. 32–42.

Кукин М. Взгляд и мысль : об одном пушкинском пейзаже // Научные труды МПГУ. М. : МПГУ, 1993. С. 72–86.

Кукин М. Зримое и незримое в поэтическом мире : последнее стихотворение Ходасевича // Начало. М. : Наследие. 1992. Вып. 2. С.157–180.

Кукин М. Состав земли. М. : Изд-во Н. Филимонова, 2015.

Медведева Н. Г. «Благодарность» : этика, эстетика, поэтика : о стихотворении М. Кукина «Недолго, правда, но жил в грузинских горах...» // Кормановский чтения. Ижевск. 2016. Вып. 15. С. 348 – 357.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 16 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937-1959.

Ревзина О. Язык и время в пушкинском поэтическом контексте. // Пушкин и поэтический язык XX века. М. : Наука, 1999. С. 179 – 187.

Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М. : Республика, 1993.

REFERENCES

Avtukhovich T. E. Stikhotvorenie G. R. Derzhavina «Evgeniyu. Zhizn' Zvanskaya» kak metafizicheskiy avtoportret // Vestnik Grodnenskogo universiteta. Ser. 3. 2013. № 2. S. 6 – 14.

Alpatova T. A. Aksiologiya G. R. Derzhavina (k analizu stikhotvoreniya «Evgeniyu. Zhizn' Zvanskaya») // Analitika kul'turologii. 2011. № 20. S. 184 – 187.

Anpilov A. Groza v Kon'kovo // Novoe literaturnoe obozrenie. 2006. № 82. С. 406 – 414.

Gadaev K. Opyt schast'ya. М. : Izd-vo N. Filimonova, 2005.

Derzhavin G. R. Stikhotvoreniya. L. : Sov. pisatel', 1957.

Kleyn I. Puti kul'turnogo importa. Trudy po russkoy literature XVIII veka. М. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2005.

Kostyukov L. Popytka schast'ya. [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2005-04-14/4_happyness.html (data obrashcheniya: 24.06.2016).

Kukin M. “Real'naya priroda” i poeticheskoe videnie. Krymskie vpechatleniya Pushkina // Nauchnye trudy MPGU. М. : MPGU, 1994. S. 32–42.

Kukin M. Vzglyad i mysl' : ob odnom pushkinskom peyzazhe // Nauchnye trudy MPGU. М. : MPGU, 1993. S. 72–86.

Kukin M. Zrimoe i nezrimoe v poeticheskom mire : poslednee stikhotvorenie Khodasevicha // Nachalo. М. : Nasledie. 1992. Vyp. 2. S.157–180.

Kukin M. Sostav zemli. M. : Izd-vo N. Filimonova, 2015.

Medvedeva N. G. «Blagodarnost'» : etika, estetika, poetika : o stikhotvorenii M. Kukina «Nedolgo, pravda, no zhil v gruzinskih gorakh...» // Kormanovskie chteniya. Izhevsk. 2016. Vyp. 15. S. 348 – 357.

Pushkin A. S. Poln. sobr. soch. : v 16 t. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1937-1959.

Revzina O. Yazyk i vremya v pushkinskom poeticheskom kontekste. // Pushkin i poeticheskiy yazyk KhKh veka. M. : Nauka, 1999. S. 179 – 187.
Khaydegger M. Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya. M. : Respublika, 1993.